

А. А. Шахматовым (в плане литературоведческом) и А. Е. Пресняковым и М. Д. Приселковым (в применении к задачам исторического построения), мне оставалось только отказаться от «протокольной» трактовки летописных повествований в наивно-реалистическом роде и применить к ним метод литературного анализа, рассматривая их не как счастливо сохранившееся подобие «газетной», хотя и бедной, хроники, а как произведение данной исторической секунды с ее злобами дня, полемиками, тенденциями и борениями».⁹

Если исследование литературной истории летописных повествований и тех сводов, в состав которых входят эти повествования, является необходимым условием для историка, использующего их как источник, то тем более важно оно и для филолога, рассматривающего такие повествования как памятники искусства. Летописные повести и рассказы издавна включаются в курсы истории литературы; важнейшее место занимают они, например, в многотомной академической «Истории русской литературы» (где древнерусской литературе посвящены три первых тома), в университетских курсах А. С. Орлова, Н. К. Гудзия и других авторов. Что же представляют собой эти рассказы? Как связана их литературная история с историей летописей, в составе которых они читаются? Исследования по истории летописания дают прочную основу для решения этих вопросов. Последовательное сопоставление между собой множества параллельных текстов дошедших до нас летописей открыло целую систему летописных сводов, начиная с реально дошедших до нас летописей XIV—XVII в., включая их источники — своды XV, XIV и более ранних веков, и кончая древнейшими памятниками — «Повестью временных лет» и летописями XI в. Обращаясь к конкретным летописным повестям, мы в ряде случаев можем наметить основные этапы литературной истории соответствующей повести и указать ее вероятное происхождение.

К сожалению однако, результаты огромной работы А. А. Шахматова и его последователей далеко не всегда учитываются при конкретных исследованиях отдельных летописных рассказов. Судьба шахматовского наследия в науке несколько противоречива. Главной особенностью исследований А. А. Шахматова было, как мы уже отметили, привлечение и сплошное сравнение всех параллельных летописных текстов на всем их протяжении. Тем самым путь произвольного разложения сводов на отдельные рассказы, догадок об их возможном происхождении сменился путем гипотез, основанных на необходимости объяснения объективно существующих совпадений между сводами. Такие совпадения в ряде случаев с несомненностью доказывали существование непосредственных источников дошедших летописей — их протографов. Иное значение имели определения этих сводов-протографов (их датировка, географическое

получения исторической информации», и утверждающий, что «если филологов интересует прежде всего летописный свод и признаки, говорящие о его известной цельности, то историки всегда будут стремиться к его разложению» (А. Г. Кузьмин. 1) Рязанское летописание. М., 1965, стр. 4; 2) Начальные этапы древнерусского летописания. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. доктора ист. наук, М., 1971, стр. 3, 9 и 11). Такое утверждение неверно и историографически (ибо первыми оценили шахматовский метод историки — А. Е. Пресняков и М. Д. Приселков, а отвергли его филологи — В. М. Истрин и Н. К. Никольский), и по существу. Филологов чаще всего интересуют не своды в целом, а отдельные летописные повести, а историкам (как, впрочем, и литературоведам) никак не следует забывать об общем характере и времени составления всего свода, из которого они извлекают то или иное известие, — иначе они не смогут понять тенденций и степени достоверности этого известия.

⁹ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Изд. 2. М.—Л., 1966, стр. 10.